

Цивилистика

Сборник статей к юбилею
Андрея Владимировича Егорова

Ответственные редакторы
О.Р. Зайцев и А.И. Шайдуллин

УДК 347
ББК 67.404
Ц58

Ответственные редакторы

О.Р. Зайцев и А.И. Шайдуллин

Ц58 Цивилистика : сборник статей к юбилею Андрея Владимировича Егорова / отв. ред. О.Р. Зайцев и А.И. Шайдуллин. — Москва : Статут, 2026. — 676 с.

ISBN 978-5-8354-2184-8 (в пер.)

Настоящий сборник статей подготовлен к юбилею Андрея Владимировича Егорова и объединяет статьи, посвященные актуальным вопросам цивилистики. В издание вошли работы, охватывающие широкий круг тем, включая общие положения гражданского права, корпоративные правоотношения, обязательственное право, вопросы недействительности решений собраний, страхование, деликтную ответственность, а также проблематику банкротства. Состав сборника и тематическое разнообразие представленных в нем материалов отражают масштаб и многогранность научных интересов юбиляра. Объединяя исследования авторов, принадлежащих к различным поколениям и научным направлениям, сборник представляет собой целостное научное издание, демонстрирующее преемственность научной мысли в тех областях, с которыми связана профессиональная деятельность Андрея Владимировича Егорова.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам юридических вузов, судьям, адвокатам, а также всем, кто интересуется современными проблемами частного права. Нормативные акты приводятся по состоянию на 15 марта 2026 г.

УДК 347
ББК 67.404

ISBN 978-5-8354-2184-8

© Коллектив авторов, 2026
© Редподготовка, оформление. Издательство «Статут», 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот сборник статей посвящен юбилею Андрея Владимировича Егорова — ученого и наставника, чей вклад в российское гражданское право трудно переоценить.

Первая публикация Андрея Владимировича вышла в 1998 г., в том же году, когда он окончил юридический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. За прошедшие с тех пор более четверти века список его научных работ набрал уже свыше 200 позиций. Подобная продуктивность была бы примечательна сама по себе, но то, что отличает Андрея Владимировича, — это неизменно высокий уровень каждой из его работ. За каждой его публикацией стоит идея, которую он считает важной и которую готов отстаивать.

Примечательно и то, как широк охват этих идей. Андрей Владимирович пишет практически обо всех сферах частного права: общая часть обязательственного права, сделки и представительство, вещное право, банкротство, корпоративные споры, недвижимость, договорное право, деликты и др. Пожалуй, единственная область, которую он (пока) обходит стороной, — интеллектуальная собственность. Впрочем, как он сам не без иронии замечает, при желании мог бы и там всколыхнуть мысль (и делал это, участвуя в подготовке разъяснений Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) по интеллектуальной собственности). Тем, кто знает его манеру работать, трудно в этом усомниться. Поэтому и публикации в сборнике, под стать юбиляру, не ограничены какой-то сферой частного права.

Многие концепции, прочно вошедшие сегодня в обиход российского правопорядка, ассоциируются с именем Андрея Владимировича. Например, именно он последовательно разрабатывал и отстаивал понимание лизинга как выкупной финансовой сделки (по сути, как кредита под залог) — подход, постепенно воспринятый и доктриной, и судебной практикой. С его именем также связаны идеи о распорядительных сделках, ликвидационной стадии обязательства, необходимости разрешения зачета при банкротстве и многих других.

Важную часть его профессиональной жизни составляет работа в ВАС РФ, где он прошел путь от главного консультанта Управления анализа и обобщения судебной практики до руководителя всего аппа-

рата. В этот период он сам подготовил много полезных разъяснений и активно участвовал в редактировании проектов, подготовленных другими коллегами. В это время Андрей Владимирович стал активно привлекать на работу в Суд следующее молодое поколение юристов, в основном своих бывших студентов в Российской школе частного права. Пригласив их на работу, он не только оставался наставником в профессии, но и помогал во всех важных рабочих и организационных вопросах: от служебного ноутбука до решения жилищных проблем.

После ликвидации ВАС РФ Андрей Владимирович стал заместителем руководителя Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации (далее — ИЦЧП) и директором Российской школы частного права (далее — РШЧП). Андрей Владимирович сумел заново вдохнуть жизнь в школу, приведя новых преподавателей и введя новые предметы. Он очень много времени уделял как организации учебного процесса, так и личной, прямой работе со студентами, вплоть до решения проблем с общением и трудоустройством.

Отдельного упоминания заслуживает роль Андрея Владимировича в реформировании гражданского законодательства. После того как в 2008 г. Указом Президента Российской Федерации была инициирована масштабная работа по совершенствованию Гражданского кодекса Российской Федерации, он оказался в самом ее центре. Разработка Концепции развития гражданского законодательства, подготовка проектов изменений ГК РФ по целому ряду ключевых институтов — все это прошло через его руки.

После ухода из ИЦЧП и РШЧП организаторские способности Андрея Владимировича снова быстро нашли себе применение: созданные им образовательная платформа «Лексториум», Клуб Цивилистов и журнал «Цивилистика» сегодня объединяют множество цивилистов и стали важной и неотъемлемой частью жизни нашей цивилистики.

Однако не менее значим и другой дар Андрея Владимировича — умение увлекать. Его статьи и лекции неизменно собирают тех, кто ценит живую мысль. У каждого из авторов настоящего сборника есть своя история, связанная с Андреем Владимировичем, — история того, как он повлиял на научный путь. Частью этих историй авторы делятся в предисловиях к своим статьям.

Андрей Владимирович любит жизнь во всех ее проявлениях. Редкая встреча с его участием не заканчивается его песнями под гитару. Он страстный фермер — легендарными являются вкусные «егоровские»

арбузы. Он очень любит спорт, в том числе футбол и настольный теннис, в который, кстати говоря, мало кто может его обыграть.

Андрей Владимирович не проходит мимо беды других людей, всегда приходит на помощь и искренне старается сделать все, что от него зависит.

Авторы настоящего сборника рады поздравить юбиляра путем публикации своих статей как знака уважения и признательности. Пусть эта книга станет очередным свидетельством того, что посеянное им дает всходы.

Ответственные редакторы

Олег Романович Зайцев,
кандидат юридических наук, доцент Российской школы частного
права, председатель Национальной ассоциации по банкротству
и управлению проблемными активами «Банкротный Клуб»

Айнур Ильшатович Шайдуллин,
кандидат юридических наук, доцент Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
консультант Исследовательского центра частного права
имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации

Е.А. Суханов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заведующий кафедрой гражданского права юридического
факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
научный руководитель Исследовательского центра частного
права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации

О понятии и сущности юридического лица и корпорации

* * *

Андрей Владимирович Егоров давно известен юридической общественности, в том числе и автору этих строк, как талантливый и высокоэрудированный ученый, прекрасный лектор и педагог, который, несмотря на свой сравнительно молодой возраст, уже успел воспитать несколько поколений высококвалифицированных юристов — выпускников Российской школы частного права и Высшей школы экономики. После окончания юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, в аспирантуре которого он подготовил и успешно защитил кандидатскую диссертацию по посредническим сделкам в гражданском праве, Андрей Владимирович длительное время работал в ВАС РФ, где прошел замечательную школу теоретического обобщения и научного осмысления сложной правоприменительной практики. Таким образом, на базе фундаментальной теоретической подготовки он получил неоценимые практические знания и навыки, которые способствовали его становлению и развитию как одного из наиболее талантливых современных отечественных цивилистов.

Нельзя также не отметить, что Андрей Владимирович является знатоком и поклонником германского права. В этом качестве он стал одним из основных участников (редакторов и переводчиков) русского перевода Германского гражданского уложения (далее — ГГУ), состав-

вившего первый том уникального трехтомного перевода на русский язык основных германских законов в области гражданского права (кроме названного фундаментального закона в него вошли также переводы германского Торгового и Гражданского процессуального уложений, а также германских законов об акционерных обществах (далее — АО), об обществах с ограниченной ответственностью (далее — ООО) и о производственных и хозяйственных кооперативах), опубликованного в 2005–2008 гг. в московском отделении издательства «Волтерс Клувер»¹. Его работам и усилиям отечественная цивилистика во многом обязана возрождением интереса к пандектной теории распорядительных сделок (признаваемой и в дореволюционной отечественной цивилистике), упоминание о которых не без его участия появилось в одном из обзоров арбитражно-судебной практики по договорам об уступке прав.

В связи с этим нельзя не вспомнить и о том, что Андрей Владимирович принимал активное участие в реформировании действующего Гражданского кодекса Российской Федерации (2013–2015 гг.). В частности, также в основном благодаря его усилиям в этом законе возникла новая гл. 9¹ «Решения собраний», в которой появилось понятие «гражданско-правовое сообщество» (п. 2 ст. 181¹ и п. 1 ст. 181² ГК РФ). Оно представляет собой очевидный римейк германской *Rechtsgemeinschaft* («правовой общности») — юридической конструкции, позволившей О. фон Гирке еще в конце XIX в. — начале XX в. объяснить сущность корпораций, как являющихся, так и не являющихся юридическими лицами в германском праве. Отечественных цивилистов этот подход заставил вновь задуматься о существовании нового для нас (или заново возрожденного законом) понятия корпорации.

В последние годы Андрей Владимирович постоянно выступает с интереснейшими аналитическими сообщениями о современной практике разрешения корпоративных споров на весьма представительных ежегодных юридических форумах, организуемых компанией «Гарант». Дискуссии здесь принято открывать проблематикой корпоративного права, которую поручено освещать и вести автору настоящей статьи

¹ При этом именно первый том выдержал несколько изданий. См.: Гражданское уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению: пер. с нем. 3-е изд. М.: Волтерс Клувер, 2008, а также: Торговое уложение Германии. Закон об акционерных обществах. Закон об обществах с ограниченной ответственностью. Закон о производственных и хозяйственных кооперативах: пер. с нем. М.: Волтерс Клувер, 2005; Гражданское процессуальное уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому процессуальному уложению / пер. с нем. М.: Волтерс Клувер, 2006.

и в обсуждении которой юбиляр всегда принимает живейшее участие. Поэтому посвященную А.В. Егорову статью настоящего сборника, представляющую собой некоторое обобщение выступлений ее автора на указанных мероприятиях, можно рассматривать в качестве продолжения его дружеского общения с юбиляром по близкой им обоим проблематике.

* * *

Корпоративное право — новая подотрасль российского гражданского права, получившая законодательное признание лишь в 2013 г. в ходе осуществления реформы ГК РФ¹. В советское время корпоративное право в отечественном правовом порядке отсутствовало, несмотря на фактическое участие в тогдашнем имущественном обороте различных корпораций (сельскохозяйственных кооперативов — колхозов, других производственных и потребительских кооперативов, а также межхозяйственных организаций, союзов потребительских обществ, профсоюзных и иных общественных организаций, в том числе различных добровольных обществ) и их признание таковыми в теоретической литературе². Не упоминала о корпорациях и корпоративных отношениях и первоначальная редакция ГК РФ (ср. абз. 1 и 2 п. 2 ст. 48 в редакции 1994 г.).

Вместе с тем в 90-е годы прошлого века формировавшееся в России корпоративное право «благодаря» усилиям отечественных реформаторов-экономистов оказалось под сильнейшим и далеко не во всем благоприятным воздействием чужеродных ему подходов англо-американского права, в котором юридические лица — корпорации являются не собственниками, а лишь управляющими (*trustee, legal owners*) принадлежащего им имущества. А поскольку *corporate law* американских штатов по общему правилу известна лишь одна организационно-правовая форма корпораций — *business corporation (company limited by shares)*, существующая, правда, в двух разновидностях — публичных (*public limited, PLC*) и частных (*private limited, Ltd*), или «закрытых» (*closed*), корпораций (статус которых напоминает

¹ См. абз. 1 ст. 2 ГК РФ в редакции Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ и ст. 65¹ ГК РФ в редакции Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ.

² См.: Советское гражданское право: субъекты гражданского права / под ред. С.Н. Братуся. М.: Юрид. лит., 1984. С. 79–81, 88 (автор главы — С.Н. Братусь). Основным аналогом корпоративного права в советское время стало колхозное право, которое в конце 80-х годов прошлого века пытались преобразовать в «кооперативное право».

статус хозяйственных обществ континентально-европейского права), к регламентации их правового положения и попытались свести отечественное корпоративное право, оставив без внимания не только производственные и потребительские кооперативы, но и различные некоммерческие корпорации.

Более того, самую распространенную в отечественных условиях организационно-правовую форму ООО (в основе которой лежит германская модель *Gesellschaft mit beschränkter Haftung, GmbH*, предусмотренная действующим в Германии Законом 1892 г.) до сих пор упорно пытаются заменить англо-американской конструкцией «закрытого», или «непубличного», хозяйственного общества¹. Все эти обстоятельства порождают как недочеты и даже ошибки в законодательном развитии корпоративного права (и в развивающейся на его основе правоприменительной практике), так и разнообразные теоретические дискуссии, направленные на выяснение сущности самой конструкции юридического лица и корпорации, а также юридической природы корпоративных отношений².

С этой точки зрения следует прежде всего обратить внимание на неудачное определение корпорации, закрепленное абз. 1 п. 1 ст. 65¹ ГК РФ (в редакции Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ), в котором главная роль отведена признаку членства (права на участие) в корпорации, но отсутствует указание на формирование ее собственного имущества за счет взносов участников, что в действительности имеет решающее значение для создания и функционирования корпорации как юридического лица — участника имущественного оборота и субъекта гражданского права. Ведь предметом гражданско-правового регулирования являются взаимоотношения имущественно обособленных лиц — собственников, что и предопределяет их юридическое равенство, инициативу и диспозитивность в использовании признанных

¹ Впервые товарищества с ограниченной ответственностью и «акционерные общества закрытого типа» были отождествлены в ст. 11 Закона РСФСР от 25.12.1990 № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности». В противоположность этому ст. 19 Основ гражданского законодательства 1991 г., а также п. 3 ст. 66 и ст. 97 ГК РФ 1994 г. признали их разными видами корпораций. Однако п. 2 ст. 66³ ГК РФ (в редакции Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ) объявил ООО наряду с АО, статус которых не отвечает признакам «публичных обществ», «непубличными хозяйственными обществами» (т.е. все теми же *closed corporations*), тем самым вновь приравняв к последним ООО.

² Подробный анализ взглядов на юридическую природу корпорации в современной отечественной и зарубежной доктрине см.: Синицын С.А. Корпоративное право: опыт, состояние, перспективы: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2023. С. 16 и сл.

за ними законом возможностей, принцип правонаделения и другие общепризнанные черты гражданского (частного) права.

Участие в отечественных гражданско-правовых отношениях субъектов, не являющихся собственниками своего имущества (унитарных предприятий и финансируемых собственниками учреждений), представляет собой остаток прежнего правопорядка, основанного на централизованной государством экономике, основными субъектами которой были государственные организации — несобственники (законодательно признанные юридическими лицами лишь спустя несколько десятилетий после своего появления¹). Не случайно такие организации изначально рассматривались в качестве «органов государства, переведенных на хозяйственный расчет» (примечание к ст. 58 ГК РСФСР 1922 г.).

Но их взаимоотношения строились на принципиально иных началах, нежели взаимоотношения собственников — товаровладельцев — субъектов классического гражданского оборота, что не позволяет согласиться с утверждениями о корпоративном характере отношений учредителей унитарных предприятий и учреждений с созданными ими юридическими лицами². По своей юридической природе такие отношения в действительности остаются классическими управленческими, т.е. административно-правовыми (публично-правовыми) отношениями и не могут превратиться в гражданско-правовые (корпоративные). Ведь собственниками имущества таких формально самостоятельных субъектов оборота остаются их учредители, а вся их экономическая деятельность находится под полным контролем учредителей. К тому же последние существенно ограничивают возможности участия своих предприятий и учреждений в имущественных отношениях, что неблагоприятно отражается на их контрагентах³. Признаваемые самостоятельными субъектами гражданско-

¹ См. об этом особенно: *Венедиктов А.В.* Правовая природа государственных предприятий // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. I. М.: Статут, 2004. С. 217 и сл.

² См.: *Гутников О.В.* Правовая природа субъективного корпоративного права // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 58 и сл.

³ См. особенно ст. 18–20 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», предоставляющие собственникам предприятий широкие возможности оспаривания их сделок (в которых учредители не участвовали) и виндикации их имущества от третьих лиц помимо своих предприятий. В связи с этим необходимо обратить внимание на позицию Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ), который справедливо признал неконституционным п. 5 ст. 123²² ГК РФ, ограничивавший ответственность бюджетных учреж-

го права юридические лица — несобственники в настоящее время неизвестны никаким иным правовым порядкам, кроме отечественного (и нескольких исторически близких к нему правовых порядков отдельных государств СНГ), а их особый гражданско-правовой статус не может служить ориентиром при исследовании корпоративных отношений, представляя собой очевидное исключение из общего правила, обусловленное историческими особенностями развития отечественного правового порядка.

Поэтому организации, построенные на началах членства, но не объединяющие никакого имущества своих участников и сами не становящиеся собственниками закрепленного за ними имущества (например, государственные академии наук), вполне обоснованно отнесены подп. 8 п. 3 ст. 50 ГК РФ не к корпорациям, а к унитарным организациям — учреждениям и не могут считаться корпорациями в гражданско-правовом смысле (хотя на первый взгляд их правовое положение соответствует всем признакам легального определения корпораций, закрепленного в п. 1 ст. 65¹ ГК РФ). Членство в корпорации представляет собой не базовую предпосылку, а *следствие* добровольного (договорного) объединения имущества (имущественных взносов) их учредителями (участниками) для достижения общих целей путем создания нового субъекта гражданского права — юридического лица — собственника¹.

Как показывает историческое развитие, корпорация не обязательно становится правосубъектным юридическим лицом. Ведь еще римскому частному праву императорского периода были известны имущественно обособленные корпорации в виде объединения лиц (*universitas personarum* — предшественников современных товариществ континентально-европейского права и партнерств англо-американского права) и объединения имущества (*universitas bonorum* — предшественников современных компаний и корпораций), хотя в нем

дений и их учредителей (см. Постановление от 12.05.2020 № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 123²² Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Лысьва-теплоэнерго»). Ведь такого рода ограничения, направленные на защиту интересов публичных собственников, противоречат конституционному принципу равной правовой защиты всех форм собственности (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ).

¹ Это относится и к компаниям одного лица (*one man companies*, *Einmannsgesellschaften*, *société unipersonnelle*), которые функционируют по правилам о корпорациях, принципиально отличаясь от унитарных организаций не формальным «членством» единственного участника, а возможностью принятия в любой момент в свой состав новых участников (членов) за счет их имущественных взносов.

отсутствовала конструкция юридического лица¹, которая получила практическое развитие только в XIX в. Современные германские торговые товарищества (как полные, или «открытые» (*offene Handelsgesellschaften, OHG*), так и коммандитные (*Kommanditgesellschaften, KG*), или товарищества на вере) являются субъектами лишь торгового, но не гражданского права, а их имущество принадлежит их участникам (товарищам) на праве общей совместной (бездолевой) собственности (*Gesamteigentum*), юридическая конструкция которой также родилась в германском праве. В отличие от этого в романской (французской) ветви континентально-европейского права торговые товарищества, подразделяющиеся на аналогичные два вида (полные — *société générale* и коммандитные — *société en nom collectif, SNC*), столь же традиционно признаются юридическими лицами и единственными собственниками своего имущества.

В отличие от них партнерства в англо-американском праве (как полные — *general partnerships, GP*, так и с ограниченной ответственностью (коммандитные) — *limited partnerships, LP*) лишены всякой имущественной правосубъектности и считаются простой совокупностью (*aggregate*) лиц, а не единым лицом (субъектом — *entity*)², т.е. с континентально-европейских позиций представляют собой полностью неправосубъектное простое товарищество, или договор о совместной деятельности³. Юридическими лицами (*legal entity*) в *Common Law* признаются только публичные и частные *business corporations* (количество видов *companies*

¹ Подробнее об этом см.: Ельшевич В.Б. Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве // Избранные труды о юридических лицах, объектах гражданских правоотношений и организации их оборота: в 2 т. Т. I. М.: Статут, 2007. С. 312, 313, 371—375, 409—412.

² Лишь в виде исключения в англо-американском корпоративном праве полноценная юридическая личность в настоящее время признается за новой разновидностью партнерств, возникшей в США в 1996 г., а в Англии в 2000 г., — зарегистрированными партнерствами с ограниченной ответственностью (*limited liability partnerships, LLP*).

³ С 1 января 2024 г. германские простые товарищества (называемые здесь товариществами гражданского права — *Gesellschaften des bürgerlichen Rechts, GbR*) в зависимости от содержания учредительного договора могут оставаться как полностью неправосубъектными «внутренними товариществами» (*Innengesellschaften*), так и становиться «внешними товариществами» (*Aussengesellschaften*), получающими некоторую правосубъектность и даже право собственности на свое имущество в качестве «зарегистрированных товариществ» (*eingetragene GbR, eGbR*). Подробнее об этом см.: Горева А.А., Жестовская Д.А. Реформа законодательства о гражданских товариществах в Германии: перевод раздела 11 Германского гражданского уложения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 6. С. 122—153. Теперь такая ситуация составляет одно из национально-исторических особенностей германского корпоративного права.

английского права несколько больше двух разновидностей американских *corporations*), но не партнерства и близкие к ним по правовому статусу «совместные предприятия» (*Joint Stock*, или *Joint Venture companies*). Таким образом, признание полноценной юридической личности за тем или иным видом корпораций становится следствием национально-исторического развития конкретного правового порядка, а не самого по себе создания организации на началах членства.

Корпорация с обособленным имуществом, как правило, становится его собственником (в англо-американском праве — *legal owner*, т.е. трасти — *trustee*), предоставляя своим участникам корпоративные права на него (в англо-американском праве участники корпорации (*shareholders*) считаются доверительными собственниками (*equitable owners*), или бенефициарами (*beneficiary*) ее имущества). Поэтому повсеместно признанным, основополагающим принципом корпоративного права считается «принцип разделения» имущества юридического лица и имущества его учредителей или участников (англ. *asset partitioning*, нем. *Trennungsprinzip*), который в российском гражданском праве выступает в форме признака имущественной обособленности юридического лица. Именно на его основе у юридического лица появляется собственное (а у отечественных унитарных предприятий и учреждений — по крайней мере юридически обособленное) имущество¹, на базе которого оно выступает в качестве самостоятельного участника гражданского оборота и самостоятельного субъекта имущественной ответственности перед другими его участниками. Ведь еще по воззрениям римского частного права «юридическое лицо заключало в себе юридическое признание общего обладания как формы, особой от личного обладания, но с ним равноправной», а смысл римской корпорации (*universitas*) состоял в «юридическом отделении общего имущества от личного»².

Вследствие такого обособления или разделения имущества перед кредиторами корпорации отвечает только ее имущество, но не имущество ее участников (принцип *affirmative asset partitioning*), а сама корпорация не отвечает по личным долгам своих участников (принцип *defensive asset partitioning*)³. Это говорит о двусторон-

¹ Далеко не случайно и то обстоятельство, что известные отечественному праву юридические лица с искусственно, не полностью обособленным имуществом (государственные и муниципальные предприятия и учреждения) существуют исключительно в виде унитарных, а не корпоративных юридических лиц.

² См.: Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М.: Статут, 2003. С. 601–603.

³ При обращении взыскания кредитора на долю (вклад) участника корпорации его объектом становится личное имущество должника в виде этой доли, а не имущество

нем характере принципа разделения имущества, который действует как в отношении имущества самой корпорации, так и в отношении имущества ее участников (п. 2 ст. 56 ГК РФ). Таким образом, его результатом становится не только приобретение корпорацией самостоятельной имущественной правосубъектности, но и (по общему правилу) исключение личной имущественной ответственности ее участников по долгам корпорации, несмотря на осуществление ими прямого или косвенного руководства ее деятельностью (в товариществах и партнерствах ограничение ответственности участников проявляется прежде всего в ее субсидиарном характере).

В этом и заключается смысл правовой конструкции юридического лица. В ситуациях, когда риск имущественных потерь от участия в имущественных правоотношениях отсутствует (например, в сфере публичного права), у организации не возникает надобности в признании ее юридическим лицом, которое, следовательно, представляет собой особый тип субъекта гражданского права (в физическом смысле — искусственный, или фиктивный), созданный исключительно для нужд гражданского оборота. Поэтому как в континентально-европейских, так и в англо-американских правовых системах корпорации рассматриваются как «корпоративный щит» (англ. — *corporate shielding*, нем. — *gesellschaftsrechtliches Schild*), защищающий от требований кредиторов личное имущество своих членов (участников)¹. Иное дело — организационно-правовая (юридическая) форма такого «щита», которая в основном определяется историческими особенностями развития конкретного национального правового порядка.

Из этого общего принципа законодательство большинства современных правовых систем знает важное исключение: при банкротстве юридического лица субсидиарная ответственность перед его кредиторами может быть возложена на его учредителей или участников, имевших возможность определять его действия, если выполнение их указаний, прежде всего неправомерных, привело юридическое лицо к банкротству. В континентально-европейском праве оно именуется

самой корпорации (юридического лица), остающееся в ее владении: меняется лишь состав ее участников, в котором кредитор занимает место должника.

¹ По справедливому высказыванию одного из германских авторов, «юридическое лицо — это ответ правового порядка на экономическое требование минимизации ответственности» (*Klunzinger E. Grundzüge des Gesellschaftsrechts. 15. Aufl. München: Vahlen, 2009. S. 3*), причем данное положение распространяется и на унитарные юридические лица, и на некоммерческие организации, созданные для достижения «идеальных» целей.

«проникающей ответственностью» (*Durchgriffshaftung*) или «проникновением за корпоративный покров» (*Durchgriff hinter den gesellschaftsrechtlichen Schleier*), а в англо-американском праве — «прокалыванием корпоративной маски» (*piercing of the corporate veil*). В отечественном законодательстве это правило впервые появилось в п. 3 ст. 15 Основ гражданского законодательства 1991 г., откуда перешло в абз. 2 п. 3 ст. 56 ГК РФ (в первоначальной редакции 1994 г.). В литературе оно было подвергнуто небезосновательной критике, вызванной появлением опасности утраты экономико-правового смысла самой конструкции юридического лица¹. Тем не менее в действующем п. 3 ст. 53¹ ГК РФ (введен Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ) это положение было существенно расширено и распространено на все случаи виновного причинения убытков юридическому лицу, в связи с чем судебная практика была ориентирована на его осторожное применение².

Все это дает основания утверждать, что устранение или уменьшение риска участия в имущественном обороте путем использования гражданско-правовой конструкции юридического лица как особого субъекта гражданского права предполагает обязательное наделение его некоторым имуществом в виде уставного (паевого, складочного) капитала³, т.е. по сути «персонификацию» этого имущества — придание ему законом свойств «персоны» (субъекта). Оно становится следствием юридического отделения такого имущества от имущества учредителей (участников) корпорации и делает возможной самостоятельную имущественную ответственность последней перед кредиторами. Поэтому юридическое лицо не может участвовать в гражданском обороте, не имея достаточного имущества, но может иметь единственного

¹ См.: Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства — неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 6–61.

² См. п. 1 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».

³ В англо-американском праве представляющаяся многим современным отечественным исследователям крайне «либеральной» возможность создания корпорации с символическим уставным капиталом восполняется обязательными строгими проверками имущественного состояния компании (*solvency test* в соответствии с подп. 1 и 2 § 6.40 (с) Модельного закона о предпринимательских корпорациях (*Model Business Corporatouon Act, MBCA*) в редакциях 1984 г. и 2002 г.), отсутствие или фальсификация результатов которых влечет серьезную имущественную и даже уголовную ответственность корпоративного менеджмента. Подробнее см.: Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 165–167.

участника (в компании одного лица) или даже вообще не иметь участников (в унитарных организациях — например, фондах, являющихся собственниками своего имущества, или в отечественных унитарных предприятиях и учреждениях, не имеющих права собственности на закрепленное за ними имущество¹).

Что же касается традиционных теорий сущности юридического лица (почти все из которых возникли в германской правовой доктрине XIX в.), то со второй половины XX в. они постепенно утратили свое прежнее значение, сохранив лишь некоторую учебно-познавательную ценность и не оказывая заметного влияния на развитие законодательства и правоприменительной практики. В современной германской правовой доктрине, утратившей склонность к обоснованию определения и исчерпывающих признаков понятия юридического лица, теперь обычно лишь отмечается, что речь идет о юридически обособленной организации, которую следует отличать от стоящих за нею людей (учредителей, членов), вместо (и / или с помощью) которых она участвует в правоотношениях².

В американском корпоративном праве обычно отмечается, что корпорации по сути представляют собой юридическую фикцию (*legal fiction, artificial person*) — искусственное объединение, наделенное государством самостоятельной правосубъектностью с целью создания для его участников привилегии ограниченной ответственности³. Теории фикции в англо-американской доктрине корпоративного права традиционно противостоят концепции «корпоративного реализма» (*cor-*

¹ Или в германских «обществах без лиц» (*Keinmanngesellschaften*), которыми становятся ООО, лишившиеся всех участников и подвергаемые в этом случае ликвидации. См.: *Altmeppen H., Roth G.H.* Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbHG). Kommentar. 6. Aufl. München: C.H. Beck, 2009. S. 33, 624, 1049.

² См.: *Medicus D.* Allgemeiner Teil des BGB. 10. Aufl. C.F. Müller Großes Lehrbuch, 2010. S. 451, 452. В германской учебной литературе юридические лица обычно характеризуются как «созданные с определенной целью организации, которые наделены законом правоспособностью» (см.: *Larenz K., Wolf M.* Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. 9. Aufl. München, Verlag C.H. Beck, 2004. S. 147–150; *Köhler K.* BGB Allgemeiner Teil. Ein Studienbuch. 25. Aufl. München, Verlag C.H. Beck, 2001. S. 308). Подчеркиваются также их «юридико-технический характер» и основные функции, состоящие в «техническом обособлении особого имущества и в ограничении ответственности» (см.: *Wieacker F.* Zur Theorie der juristischen Person des Privatrechts // Festschrift zur E.R. Huber. 1973. S. 358, 359; *Säcker F.J.* u.a. Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. Band I. Allgemeiner Teil (§ 1–240). AGB-Gesetz. München: Verlag C.H. Beck, 1993. S. 285, 286).

³ *A corporation may be regarded as a privilege granted by the state and treated as an «artificial entity» to be operated by its member* (Fletcher Cyclopedia of the Laws of Corporations, revised by C.A. Jones. Vol. I. St. Paul (Minnesota), 2006. § 41).

porate realism theory) и «агрегационная» (рассматривающая компании и партнерства как совокупность (*aggregate*) лиц)¹.

Как уже отмечалось, в силу исторически сложившейся в англо-американском праве конструкции траста корпорации здесь становятся трасти (*trustees*, или *legal owners*) в отношении корпоративного имущества и считаются находящимися в агентских отношениях со своими управляющими (директорами), действующими от имени и в интересах своих корпораций. Отсюда — обязанность корпораций действовать в интересах своих бенефициаров (*shareholders*, являющихся *beneficiary*, или *equitable owners*), в силу чего корпорации не только приобретают правомочия по использованию и распоряжению корпоративным имуществом, но и несут «фидуциарные обязанности» перед своими бенефициарами, а члены совета директоров корпорации, будучи их агентами (*agency*), несут такие обязанности перед своими принципалами — корпорациями. В результате статус корпораций и их участников в англо-американском праве принципиально расходится с континентально-правовым положением компаний как собственников, а их участников — как субъектов корпоративных прав, хотя именно статус американских *business corporations* лежит в основе изучения статуса корпораций многими современными отечественными исследователями.

Данная структура отношений в американских корпорациях объясняет и господствующие здесь в настоящее время две основные теории существования корпорации (юридического лица) — агентскую и контрактную. Согласно первой из них главную особенность корпорации составляет то обстоятельство, что ею и ее имуществом управляют не учредители или участники, а их «агенты» (*agency*) — наемные менеджеры². Согласно второй корпорация рассматривается как комплекс (сеть) договоров (*nexus of contractual relationships*, или *set of contracts*), ядро которого составляют агентские соглашения учредителей и / или участников с корпоративным менеджментом³. А поскольку на деятельность корпорации значительное влияние оказывают не только ее менеджеры

¹ См. об этом: Гражданское и торговое право зарубежных государств: учебник: в 2 т. / отв. ред. А.С. Комаров, А.А. Костин, О.Н. Зименкова, Е.В. Вершинина. Т. 1: Общая часть. М.: Статут, 2019. С. 1574 (автор параграфа — А.А. Дубинчин).

² Ее появление в 30-е годы прошлого века связано с именами известных американских экономистов А. Берле и Г. Минса (*Berle A., Means G. The Modern Corporation and Private Property*. N.Y.: Macmillan, 1932).

³ Эта теория, появившаяся несколько позднее, связана с не менее известными именами Р. Коуза и О. Вильямсона (*Coase R. The nature of the firm // Economica*. 1937. Vol. 4. No. 16).

и участники, но и другие инвесторы, наемные работники и иные договорные контрагенты, или «лица, имеющие интерес» в ее деятельности (*stakeholders*), по современным представлениям корпорация является неким договорным центром, а корпоративные отношения становятся разновидностью договорных связей¹. Такой подход получил наименование *Stakeholder Value* и в настоящее время приобрел господствующее положение в американской доктрине корпоративного права.

Недостатки всех этих подходов к объяснению сущности юридического лица (с которым здесь принято отождествлять корпорации), а также необоснованность сведения корпоративных отношений к договорным моделям отмечены в современной зарубежной и отечественной литературе². Несмотря на это, договорная природа корпораций последовательно отстаивается рядом современных отечественных исследователей³. Очевидна зависимость этого подхода от трастовых конструкций, составляющих принципиальную особенность правопорядков англо-американского типа. Поэтому отсутствие в отечественном праве (как и в континентально-европейском праве в целом) института траста делает бесперспективной опору на теоретические выводы, развиваемые на данной основе.

В целом же можно констатировать отсутствие в современной правовой доктрине единых общепринятых подходов к раскрытию сущности юридического лица и корпорации, вызванное исходными различиями, которые обусловлены особенностями национально-исторического развития правопорядков англо-американского и континентально-европейского типов. Это же относится и к принципиально различной систематике корпораций в этих двух видах (типах) правопорядков, также во многом зависящей от их национально-исторических особенностей. В российском праве эти особенности предопределили существование таких видов корпоративных юридических лиц, как различные

¹ *The corporation is a complex set of explicit and implicit contracts, and corporate law enables the participants to select optimal arrangement for the many different sets of risks and opportunities that are available in a large economy* (Romano R. Foundations of Corporate Law. New York, 1993. P. 98).

² Их критический обзор см.: Синицын С.А. Корпоративное право: опыт, состояние, перспективы: монография. С. 337–340; Текутьев Д.И. Экономический анализ права как метод исследования корпоративных отношений // Современное корпоративное право: времен связующая нить: сб. ст. / сост. и отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2024.

³ См. особенно: Степанов Д.И. Спрос на право и диспозитивность регулирования: экономический анализ права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 6; Его же. Экономический анализ корпоративного права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 9.

производственные и потребительские кооперативы (практически отсутствующие в современном англо-американском праве), крестьянские (фермерские) хозяйства (также отсутствующие в зарубежных правовых порядках в качестве особой разновидности юридических лиц), товарищества собственников недвижимости и многообразные виды некоммерческих корпораций. Но во всех без исключения случаях корпорации и их участники в континентально-европейском праве являются имущественно обособленными субъектами — собственниками своего имущества, что и составляет экономико-правовую основу признания их самостоятельными юридическими лицами, а корпоративные отношения — составной частью предмета именно гражданского (частного), а не «предпринимательского» или особого «корпоративного» права.

И.С. Чупрунов,
*кандидат юридических наук,
доцент Российской школы частного права*

Система оснований недействительности (дефектов) решений собраний¹

* * *

Я искренне рад возможности участвовать в этом сборнике к юбилею профессора Егорова, потому что хотя формально мне и не довелось писать под его научным руководством никаких работ, он оказал огромное влияние на мое занятие наукой и преподавательской деятельностью. Поскольку вклад юбиляра в развитие отечественной науки огромен и хорошо известен, я позволю себе в этом вступлении обратить внимание больше на деятельность Андрея Владимировича как преподавателя, тем более что я имел счастье соприкоснуться и с этой его ипостасью (да и тема, выбранная мной для статьи в этот сборник, — это тоже своего рода попытка продолжить обсуждение тех идей, которые когда-то были почерпнуты на лекциях проф. Егорова).

Впервые я увидел Андрея Владимировича на вступительных экзаменах в РШЧП, где мы поставили друг друга в тупик: он — своим вопросом о том, может ли автор передать принадлежащее ему исключительное право в залог, а я — своим ответом, что невозможность такого залога была прямо разъяснена в недавно принятом постановлении пленумов ВС РФ и ВАС РФ о применении части четвертой ГК РФ. Разумеется, никаких подобного рода разъяснений это Постановление не содержало, но мой уверенный ответ заставил Андрея Владимировича долго листать печатную копию Постановления в попытке меня перепроверить и не позволил задать каких-либо дальнейших вопросов по этому поводу (что, возможно, и позволило мне в итоге успешно пройти вступительные испытания).

¹ Автор глубоко признателен А.Г. Карапетову, А.А. Кузнецову и Р.Р. Репину за чрезвычайно ценные комментарии, данные в ходе подготовки настоящей статьи. В то же время все содержащиеся в ней ошибки, конечно, остаются на совести автора.